

МОИ ГАРМОШКИ

Семи лет отдан был я в музыкальную школу. Так распорядилась судьба. И родители. Я не помню, что стало причиной перевода этой музыкальной школы из района в наш, дальний посёлок при заводе на краю города, в его неприглядный клуб. Но теперь, спустя полвека, я знаю, что это перемещение стало для меня судьбоносным. Прежде музшкола была где-то в центре района, но то ли сгорела она, то ли попала под снос для застройки нового микрорайона развивающегося к югу, города. Приём в школу, когда комиссия выясняла, какую клавишу на пианино мне следует нажать, чтобы прозвучала та нота, что нажимали они, когда я отвернулся – это разговор особый. Отдельно можно вспоминать и годы учёбы в ней, с неподвластным моему юному уму сольфеджио. Франц Йозеф Гайдн для меня был открывателем Земли Франца Иосифа. В ногах у меня, у моего дивана, прямо на печке висела карта земных полушарий, и географию я знал лучше, чем музыкальную литературу и сольфеджио. Этим, высказанным вслух знанием на уроке музлитературы я, первоклассник, немало насмешил преподавателя музлитературы.

Напрасно, как я думаю, меня отдали в музшколу в тот же год, как и в первый класс. Ведь я, хоть и успел, благодаря маминым усилиям познать азбуку, и к тому времени по складам читать «Муху- Цокотуху», но записывать в толстые «общие» тетради премудрости сольфеджио и музлитературы я явно не успевал, как и не понимал элементарной музыкальной «азбуки». Всех этих скрипичных и басовых ключей, диезов и бемолей. Было это не для моего детского ума. Во-первых, в моем музыкальном классе я был самым младшим. Остальные учились в своих школах в третьем и пятом классах и записывать незнакомые слова им было проще, как и успевать просто записывать за диктовкой преподавателя. А мне хотелось не отставать в обычной школе, постигать ее науки и еще успеть поиграть. Не на баяне, «по классу» которого я учился, а просто поиграть со сверстниками. На улице. Помастерить в сарае из дерева отцовыми инструментами автоматы и мечи, сбивая ими руки до мозолей. А потом на уроке «Игра на инструменте», едва залиговывал всю примитивную партитуру народной песни «Как под горкой под горой» и на вопрос: а ты занимался? я отвечал: да, долго. И показывал мозоли на руках, якобы от долгой игры на инструменте. Чем страшно смешил преподавателя. Музыкальную школу я закончил в том же, еще неосознанном возрасте. Но зато лихо, «на слух», играл Полонез Огинского, который часто передавали тогда по радио. На слух играть его казалось интереснее, чем заглядывать в партитуру, в которой стояло столько бемолей. По радио он звучал часто. Настолько часто, чтоб

я мог воспроизвести его на баяне так, как смогла воспринять его душа маленького человека. А партитура лежала рядом. Условно. Невостребованной.

Оттого потом, когда в стенах музшколы на экзаменах отзвучали ноты, мною воспроизведенные и высказано все то, что осталось у меня в памяти на экзаменах по музлитературе и сольфеджио и проставлена комиссией последняя тройка в графе напротив моей фамилии, я вложил баян в чехол и засунул его пылиться под кровать.

Пылиться не получилось: страна чуть ли не каждую неделю праздновала праздники, да еще и пошли свадьбы у моей родни. Очень поющей. Иметь под рукой племянника, закончившего музыкальную школу и не играющего на праздниках и свадьбах, было бы непонятно. И я почти каждый выходной все снова и снова доставал из-под кровати с шишечками на грядушках не успевший запылиться футляр. Постигать канву музыкальных тем деревенских припевок и матань, равно как и забывать аккорды «полонеза Огинского», хоть и неточно мною освоенного, мне не давала родня. А родни у нашей семьи было много.

Только родных братьев - сестер у родителей было на круг девять. И если не случался красный день календаря на висящем у двери отрывном численнике, то дни рождения родни случались непременно. И я втянулся в эту фольклорную стихию. Тем более родня попереженилась на хохлах, донских и уральских казаках. И каждому на празднике нужна была песня. От близких душе послевоенных песен «советских композиторов» до тех, что напоминали родину, пелись в родных избах, куренях и хатах. Так я научился «подбирать». Нет музыкальной школы выше и интереснее, чем желание быть в ладу с этими народными песнями.

Гармонь первая

Незадолго до окончания школы умер мой дед. Была у него балалайка и гармонь. Обе они достались мне. Я до сих пор помню, как третья кнопка на гармонии – простой тульской гармонии, черной, совнархозовской, 1956 года выпуска, западала на басах. Помню – не на ощупь, а средним пальцем на левой руке. Помню, а не играю на ней по простой причине: её у меня нет. Ее украли. По моей же глупости.

После моего девятого класса, поздними летними вечерами собирались у клуба, в скверике сверстники – «дружить». Духота спадала, зудели комары, за клубом, в камышах, квакали молодые лягушки, и клен американский нес пыль и томный сухой, горьковато-сладкий запах коренного лета. Девчонки поселковые были разобраны все до одной моими ровесниками – ведь руки мои были заняты кнопками гармонии. Оставалась одна, моложе меня на год. Она и училась отчего-то в другой школе (кажется, переехала к нам в поселок, да так и осталась учиться в своей школе). Её и присватала мне вся «дружившая» ватага.

– Сань, ну и чего ты? Ленка ж не занята. Может, дружи с ней?

– Да, Сань, давай! Она одна свободная, - толкая под локоток, говорил Витька, мой сосед.

Так, молча, стали мы с ней «дружить». Способов «дружить» было мало: сидеть на крыльце клуба, отмахиваясь от комаров. Бренчать на гитаре песни про то, как девчонку отсидевшего героя песни, молнией убило. Третье, вставляя матерщинку. Курить почти свободно. Ведь на крыльце темно, а лишнюю лампочку на фонаре, висевшем на столбе напротив крыльца, предусмотрительно сбивали камнями. И даже если кто-то из поселковых взрослых возвращался в позднюю пору мимо клуба с автобуса, он никак не мог идентифицировать курильщиков.

А потом расходились «проводить». Дорога от клуба в поселок была одна, с несколькими фонарями и, хоть и расходились не сразу, пара за парой, но вслед идущим никогда не было видно, куда делась пара предыдущая. У меня, оставшегося с Ленкой и гармошкой, выбора не было. Мне предстояло проводить ее. Но отчего-то гармонь показалась мне лишней. И я нашел куст погуще и сховал её там. Назавтра, чтобы сегодня не тащиться с ней. И пошел ее проводить. За всю дорогу не сказал ни слова. Говорить, оказалось, нечего было. Да и жила она совсем рядом – через два дома от клуба. Даже если бы и захотел сказать – ничего придумать я так и не успел. Через минуту мы были у ее дома. Через полторы ее калитка стукнула вслед за ней, уходящей, и я стоял один. Не более минуты. Тихо побрел один назад, в сторону дома, осознавая себя по-дурацки, так и не поняв: а что же я мог сделать и сказать? Шел мимо куста, где оставил гармонь. Идти домой было с километр, и я, еще раз глянув на куст повнимательней, подумал, что спрятана гармошка надежно, и вовсе никому не видна. И пошел домой налегке, не считая того груза на душе, что оставил мне первый опыт неудавшейся «дружбы».

– А, ладно, завтра опять сюда идти, – подумал я, с облегчением.

Квакали лягушки с лимана, сладко пахло камышом, воздух был терпким и остывающим от знойного южного дня...

На другой день в сгущающихся сумерках я подошел к клубному крыльцу. Там были все, не было только Ленки. Обычная трепотня стихла, лишь стала различима в потемках моя приближающаяся фигура. Кто-то из ребят вышел из-под навеса крыльца, отвел меня чуть в сторонку и мне немедленно сообщил, что Ленка со мной дружить не хочет. Никаких мыслей суицидального характера во мне не возникло. Надо было подумать. Для это я пошел в кусты, где спрятал гармошку. Гармошки там не было. Я поискал ее, обойдя все кусты, хоть и знал точно место, где она лежала.

Гармошку мою – ещё и дедову – украли.

Это был день двойного краха, осознать который было несложно. Я был полный дурак. Беспечный. Бестолковый. И непредприимчивый. Я таких еще не встречал. Долго. Еще три года. До «послеармии». И еще несколько месяцев, пока работал после армии и «поступал». В институт.

А как поступил, так снова встретил. Себя. Бестолкового. Но уже влюбленного. И умеющего играть на гармошке. В армии для этого была практика: старшина нашей батареи, почти земляк, прапорщик Ульянов из города Камышина, любил играть на гармошке. И заводил меня почти каждый вечер, на время ужина, в каптерку, где лежали гармонь и баян. Подзывал кого-нибудь из нашего отделения, совал ему в руки котелок, чтобы он на ужине набрал для меня картошки с мясом и принес.

– Ясно, Толокин?

Толокин, призванный из Чебаркуля, четко отвечал:

– Так точно, товарищ прапорщик.

Столовая была в соседнем городке нашей части, в полукилометре от нашего учебного городка. И пока наша батарея шла туда, ужинала и обратно возвращалась, маршируя под «Через две зимы...», у нас со старшиной был почти час, чтобы наиграться ему на гармошке, а мне сопровождать его на баяне. Играли с удовольствием, но дуэт окончательно так и не сложился: учебка моя закончилась, и я был переведен в другой военный городок.

Но любовь к гармошке у меня так и осталась. Сначала в качестве «дуэта» к баяну. А потом, постепенно – и как самостоятельному инструменту. Тем более, и там и там – кнопки. На гармонии чуть поменьше, да и в два ряда. Но это было интереснее. И постепенно пришел к выводу, что – душевнее.

Баян первый

Когда я учился в музыкалке, мне в первом классе купили полубаян «Ростов-Дон». Легкий, как раз по детским коленкам первоклашки. Сверкающий красными перламутровыми боками. С ним я прошел все премудрости учебы в музыкальной школе. Когда успехи моей игры были признаны родней и я получил большую практику игры по свадьбам да дням рождения, то перед армией мне купили новый баян. К тому времени о моих успехах знал весь поселок, и на одной из поселковых свадеб, когда отдавали замуж дочь моего крестного Светку, ко мне подошел сосед, дядя Гриша, долго наблюдавший за моей игрой. Было ему уже лет за пятьдесят. И неожиданно попросил меня научить его играть на баяне. Я согласился, и мы приступили к обучению дяди Гриши. Несколько занятий мы проводили на крыльце моего дома, но успехи были незначительные: у дяди Гриши не было своего баяна и заниматься постоянной практикой у себя дома он не мог. А своего баяна у соседа не было. Нужен был выход. «А зачем мне два баяна?» - подумал я и на очередном занятии я просто подарил ему свой первый баян. И ушел в армию. Родители мне на это ничего не сказали. Ведь у меня уже был новый баян. Второй.

Баян второй

Баян требовался на свадьбы и на дни рождения и после армии. Был он вологодской баянной фабрики (ВБФ). С регистрами: это такие кнопки, которые то усиливают звук, то чуть ослабляют, в зависимости от обстановки: массовая или интимная. Но на мастерство это никак не влияло. Тот факт, что мои музыкальные успехи отмечены были родней на свадьбах и днях рождения положительнее, чем казенными членами комиссии в музыкальной школе, родители решили купить мне инструмент посерьезнее. Я не помню, чтобы я был инициатором этой покупки (а стоил он тогда прилично – целая зарплата отца, который тогда только что

вступил в должность главного инженера завода), но хорошо помню, как мы вместе выбирали в магазине баян. Помнится: сверкали витрины магазина и в магазине было просторно. И на полках стояли инструменты. Черный, с округлыми углами баян «ВБФ» глянулся мне сразу. Знал бы я тогда, 50 лет назад, как судьба меня сведет с Вологдой, которая выпускала это многозвучное чудо. Еще в магазине, пробуя голоса баяна, я словно заново заиграл «Полонез» Огинского, с удивлением чувствуя, словно играю не я, а «передают по радио» – до того ново и необычно было это насыщенное звучание.

Но жизнь распорядилась так, что мне нужно было уезжать, закончив институт. С собою я забрал и баян.

Гармонь вторая. По бартеру

Как раз в это время настали такие времена, которые с трудом вспоминаются ныне: времена бартера. Это было тогда, когда за работу перестали платить деньги, а стали выдавать заработанную плату собственной продукцией по быстро вошедшему в жизнь принципу - «по бартеру». Или обменивались продукцией тех предприятий, с которыми имели производственные взаимоотношения. Так я, сложным путем попал к людям, которые за какие-то мои услуги расплатились со мною гармонью, которую в свою очередь получили как зарплату с Тульской баянной фабрики. Стоила она тогда 30 тысяч. И я с удовольствием получил эквивалент своей зарплаты в виде красной гармошки под кодовым названием, похожим на какую-то межконтинентальную ракету 301- М.

Играла эта гармонь весело и звонко. Особенно в деревне, где я с семьей стал сажать картошку и выбирать ее в неподъемном для членов семьи количестве – до 30 мешков. Посадка, обработка и копка картошки требовала периодического пребывания в деревне, и я тогда «безлошадный», чтобы не таскать с собой гармонь, так нужную во времена отдыха между грядками картошки, решил ее оставлять в деревне. Методом, испытанным и, как казалось мне, вполне надежным – засовывал чехол с ней под кровать, накрыв пустым мешком.

Метод оказался не очень надежным. Однажды зимой я приехал в деревню и не нашел ни гармони под кроватью, ни чугунной плиты на печи, ни в столе - продуктов. Все остальное, включая мелочи, украли страдающие от безработицы окрестные крестьяне, жившие теперь во времена перестройки.

– Слышь, Василич, – говорил мне доверчиво, твердо и уверенно кум. – Не суетись. Вор найдется. Сам по себе. Я их, этот сельский народ, знаю. Где-нибудь напьются и кто-то скажет с обидой на другого: да? Ты это чего? об мне?! А помнишь, ты сам гармошку украд вот там-то?

Это оказалось правдой. Но времени с тех пор прошло больше 20 лет. А за это время у меня в руках перебивало еще с полдюжины гармоней. Каких? А вот и о них дальше расскажу.

Гармонь третья. Елецкая рояльная. На Алтай. Васе

Несмотря на то, что и вторую гармонию украли, побывала она у меня несколько лет и я успел настолько освоить и сжиться с хромкой, что совсем отставил баян. Голос баяна, по сравнению с теплым по-деревенски, гармошечным, казался пафосным, городским. Утрата гармони была для меня существенной. Нужна была именно гармонь. А у знакомых уже завелась «Любительская» гармонь – мечта и гордость каждого гармониста. У кума, в частности, который постепенно тоже перешел с баяна, освоив игру сначала на моей гармонии, а потом нашел себе хорошую «Любительскую» гармонию.

– Откуда? – поинтересовался я.

– Да дал объявление в газету. Мне через день позвонили. У старушки от ее старика гармонь осталась. Вот, привел ее в нормальное состояние, очистил от краски, а то она была просто покрашена, половой краской. – Он ласково погладил ее бока, сверкавшие перламутровыми цветочками и ромбиками, окружавшими надпись, инкрустированную таким же перламутром – «Любительская». И дернул меха. Нет, не дернул, а просто потянул и извлек такой звук!

– Вот это да-а... Может, и мне попробовать дать объявление?

– Конечно, сходи в редакцию. Объявления-то копеечные.

И я дал объявление, что куплю «Любительскую».

Через несколько дней мне позвонили. Женский голос сказал, что от ее бабушки осталась гармошка. А играть некому.

– Любительская?

– А я и не знаю, я в них не разбираюсь. Приезжайте, да посмотрите. Только я завтра уезжаю в Липецк, приехала на выходные мать проведать.

Назвала адрес. Оказалось - из села Талица, что километрах в 15. И я не медля поехал в Талицу. Нашел через соседей дом по фамилии, указанной в адресе. Постучался в оконце низкого дома, в две связи. Вышла женщина средних лет, одетая по-городскому.

– Здравствуйте!

– А, это вы, наверное, о гармонии спрашивали?

– Я.

– А, ну заходите.

Я зашел в сени. Женщина приоткрыла дверь, ведущую налево.

– Вы проходите в избу. Там светлее. Я сейчас из горницы гармонию вынесу, – и шагнула в противоположную дверь.

Я вошел. Пахло лекарствами. За дощатой перегородкой скрипнула кровать, послышался старушечий голос:

– Валя! Кто там?

– Да это, мама, гармошку пришли поглядеть, - громко, чтобы хорошо было слышно, из сеней сказала Валя. И вошла, неся завернутую в ткань гармонию.

– А, – понятно ответила старуха.

Валя поставила гармонию на стол, развернула ткань.

– Ой, – она метнулась к печке, сняла с веревки утирку. – Дайте я её хоть вытру.

И наскоро стала вытирать пыль с гармони. Гармонь была не любительская, и даже не простая хромка.

– А, так это елецкая рояльная гармонь. А я давал объявление о «Любительской».

Женщина пожала плечами.

– Да я в них не разбираюсь, – она будто виноватилась за то, что гармонь оказалась не той.

– Ва-аль! – слышалось опять из-за перегородки. – Чего тама?

Валя обернулась в сторону голоса.

– Да не такую, оказывается, гармонь искали. Говорят, это елецкая. Какая есть.

– Елецкая, елецкая. А то какая ж. Мой отец еще-ищ играл на ей.

Я взял гармонь. Повертел её. По всем приметам была она действительно старой. Черная, с промежуточной планкой на мехах, с красивой тонкой калевкой по углам, барочным рисунком потертых ручек на правой и левой руке. На ней не было даже ремня «через плечо», которыми стали снабжать елецкие роялки по моде баянной или обычных хромок где-то после войны. Даже следов креплений ремней не было. В старину, чтобы пройти по улице, их носили на расшитых полотенцах, накинутых через шею и плечо. Обычно на старых гармониях выпадают голоса, поломаны планки, особенно если они лежали где-то в чулане или сарае. И я продел пальцы в петли из старой, иссохшейся и оттого постресканной кожи. Потянул меха, они с хрустом разбежались, как обычно бывает у инструмента, на которой меха слежались, когда на нем долго не играли. Пробежался по клавишам. Голоса и басы были целы. Чуть вразбежку, вразлив звучали на сжим и разжим. Я заколебался: уж больно интересная гармонь: и старая, да и ее тоже освоить не помешало бы. Если что, можно «подшаманить». Рассохшиеся меха подклеить, чтобы воздух держали, голоса подклепать. Я вздохнул, пожал плечами. Валя пытливо смотрела в глаза.

– Что, не годится?

– Да вот, не знаю. Хотел «Любительскую». А с этой надо заниматься, налаживать, настраивать. Зря вы ее в чулане держали, – и поставил гармонь на стол, глядя на нее в раздумье.

– Ну... зря... наверное.

Я решился:

– И сколько вы за нее просите?

Валя пожала плечами.

– Да... я и не знаю... А вы бы сколько дали?

Я назвал цену. Очень невысокую. Валя опять помялась.

– Да, уж мало, кажется.

– Ну, что ж. Мне другая нужна. А с этой надо еще заниматься. – И накрыл углом ткани гармонь.

Тут старуха, видимо поняв, что идет торг, подала голос.

– Ва-аль! Скока он просит?

Валя назвала и сказала, что ей кажется, что мало дают. И тут, даже не видя старухи, я понял, что та махнула рукой и уже твердо, хоть и негромко, сказала.

– Да отдавай хоть, как просит. Какие-никакие, а деньги. Ребятишкам хоть чего купишь. Все одно, пропадет гармонь. Кому она нужна. Сопреет в чулане.

Дома я с нетерпением вынул гармонь. Достал плоскогубцы, вынул штырьки, соединявшие меха с грифами. Гармонь была совершенно «музейная», каких не сыщешь сейчас даже в музее гармонии: двенадцать ее мехов были разделены надвое перегородкой и на ее наклепанных медных планках была выбита надпись «Вагинь. Въ Тулѣ». Значит, голоса были еще те – дореволюционные, и мастер жил в те далекие времена, когда концы слов писали с Ерами. Гармонь, действительно была старая и редкая. В музее гармонии я такой не видел.

Я пробовал играть на ней. Но, как говорится в пословицах, «не на то учился»: трудно было перейти с кнопок двухрядной хромки на горизонтальные клавиши елецкой роялки. Или, как еще раз убедился: «где родился, там и сгодился» – на ней бы с детства учиться играть, слушая и воспринимая наигрыши местных гармонистов. Так она и стояла у меня в кабинете, как украшение интерьера. Изредка брал ее в руки, чтобы послушать голос елецкой рояльной гармонии.

Эту гармонь я подарил Васе Вялкову – удивительному человеку, моему крестовому брату, в Горный Алтай, где жил он, и где обитает его душа. Вася погиб в январе 2008 года в горах Горного Алтая, но сын его, Данилка, играет на гармонии отца, уцелевшей в той трагической катастрофе.

У Васи гостил я неделями, и по сейчас не могу понять, как он, при всей своей депутатской занятости мог столько времени давать мне, приехавшему праздновать юбилейные дни Шукшина. Ведь как только он вошел в предбанник нашей бабы Раечки в Сростках, он сразу стал своим, родным, знакомым и любимым всю свою жизнь. Как не подарить ему ту елецкую раритетную гармонь, которых нет пока еще и в музее. А на Алтае в музее Васи она есть. Как и другая гармонь, с которой он, усталый после 4 тысяч километров дороги сидел у меня дома в Ельце и на вопрос под видеокамеру:

– Вась, дерни меха-то! – он очень устало отвечал.

– Да чё-то как-то не очень дёргается.

Он был тогда очень уставший, сменявший братку Юру за рулем все эти 4 тысячи. Ехали, не останавливаясь, трое суток. От их Турочака до моего Ельца. Но когда он и его Марина выходили потом на сцены елецких площадок, казалось – от усталости нет и следа!

Эх, Вася, Вася. Сколько дней счастья подарил он и его окружение нам, живущим за многие тысячи километров от него, от его могилы, нагруженной тяжким черным камнем с его изображением – яркого, веселого, с гармонью поперек груди. А гармонь, раритетная, елецкая рояльная и сейчас у него в музее стоит.

Отвлекусь от рассказней о гармониях. Расскажу о человеке. Замечательном человеке. Он в жизни своей не только не знал одной хоть ноты, но не имел даже слуха. А играл на гармонии на твердую «четверочку». Человек этот – Егор Иванович Горбунов. Удивительный был человек. Я не побоюсь даже применить сейчас так несвойственное мне чужеземное слово «уникальный», то есть удивительный,

единственный в своем случае. Он, не имея ни слуха, ни образования музыкального, захотел играть на гармонии. И тому была причина: Володя Комаров вместе с Заволокиным сняли знаменитую передачу «Играй, гармонь». В Ельце, где Володя для Геннадия открыл и все музыкальные таланты, и все начальство, вдруг перед телевизионным окном стало небезучастным к народному творчеству.

Егор Иваныч, не имея слуха, стал делать гармони. Елецкие. Рояльные. Инструмент этот особый, известный с середины XIX века. И сделал полтора десятка замечательных гармоней. И эту «музейную» роялку он мне подремонтировал.

Это и он потом, зная, что так хочу иметь «Любительскую» гармонь, говорил:

– Василич. Ты найди любую, хоть самую в дым разбитую. И я ее тебе исделаю и настрою.

Не вышло. Не дожил Егор Иваныч до того, как у меня появилась «Любительская». Но о том разговор будет дальше.

Гармонь четвертая. На Дон. Правильнее – на Хопер

Эту гармонь я подарил моему задушевному другу – Анатолию Мордвинцеву. На одном из фольклорных праздников в Москве, почти 20 лет назад, довелось слышать мне песни с Дона и Хопра. И очень запомнилась одна из них, которую запевал тогда Михаил Емельянов, родившийся на хуторе Ларинском, станицы Алексеевской. Чисто, словно бы и медленно, нехотя запевал эту донскую балладу, но так за душу брали и слова и неприхотливая мелодия этой песни. Так, что хотелось петь ее потом. Правда, начало песни этой я пропустил. Пришлось потом додумывать. Благо, что весь фольклор построен на незыблемых законах: если песня народная, то в ней изложение мысли и душевного настроения начинаются «с природы». С состояния её. А все остальное, человечье, к этому прикладывается. И подчиняется согласно настроению природы. Никак иначе песни и не складывались. Никак. Без исключения. Но с интонацией Михаила, запевавшего тогда.

В 2008 году, 30 сентября разбудил звонок. Хриплый, и такой знакомый голос:

– Василич?

– Тут я.

– Не спишь?

– Да уж нет.

Тут я угадал – земляк мой, Сергеев Юра. Юрий Васильевич. Писатель. С ним были в Якутии.

– Да я тут еду на Дон, на родину. На мои разные-всякие чествования к 60-летнему юбилею. Через полчаса проедем через Елец. Ты это... может, с нами поедешь, а?

– Давай. Заезжай. Еду!

Заехал на десять минут попить чаю и дальше – негаданно-нежданно – дорога на Дон. И новые люди - друзья. Уже потом, помимо Юры, дай Бог ему здоровья. Осталось в памяти: раннее утро 2 октября 2008 года, в его юбилейный день

рождения. Стоим с ним у крайнего дома в Скуришенской. Сзади – скуришенский бугор с двумя курганами и восходящее из-за них солнце.

А вечером в Скуришенском ДК, на его неизменных крашенных половицах бывшего атаманского дома, был концерт. И были песни. Донские, казачьи. И Анатолий дарил Юре плетенку с ведерной флягой домашнего вина. И опять были песни. Уже после сцены. И как-то мы с Анатолием душевно сошлись, и я ему пообещал привезти елецкую гармошку.

Не зря обещал. Нашел я ему гармошку. Настоящую, елецкую. И привез ему на Хопер. Это была замечательная поездка. Я тогда поехал со своими дочерьми: Настей и Верой. Каким счастьем светились их глаза: конец августа, впереди столько интересного и радостного. Нас и взаправду встретили «на Дону» родные люди: Володя Скунцев, руководитель ансамбля «Казачий кругъ», и Анатолий Мордвинцев, и Валентина Кубракова из ансамбля «Станица».

Гармонь пятая. На Енисей, Михаилу Тарковскому

Была ещё одна гармонь у меня. Получилось, что дважды даренная.

Зная, что гармошку мою в деревне украли и тоскую о ней, двухрядной, Володя, кум мой, как-то в день моего рождения подкатил под мои окошки, стукнул, и стоял, улыбаясь перед крыльцом. Настолько красноречиво улыбался! И коротко сказал:

– А знаешь, что тебе привез?

Я не знаю, как ещё можно было передать информацию актерам, игравшим какую-то роль в фильмах по неизвестным сюжетам. Не знаю. А вот Володя так загадочно и игриво поглядел на меня, что я сразу увидел его подарок, еще скрытый багажником его машины. И тут же, не открывая багажника, я сказал:

– Знаю, Григорич! Там гармошка. Черная, совнархозовская. С тряпичным ремешком.

Он, все так же загадочно улыбаясь, открыл багажник.

Это был вариант: один из миллиона. И я его угадал. В багажнике лежала шуйская гармошка. Совнархозовская. 1955 года выпуска. Я даже цвет ее угадал. С тряпичным ремешком. Точно такая же, как и та, самая первая, дедовская, украденная в тех кустах моего опыта «дружить», которые помню и сейчас. Не знаю, как та, «моя» Ленка. Да простит она меня – я ее совсем не помню. И разницу я помню – не Ленки, у которой я даже руки не тронул, а гармони, отличавшейся именно тяжело бравшейся кнопкой левой руки. Третьей снизу. Дай Бог здоровья и сейчас, спустя полвека, тому, кто на ней играет.

А на этой, тихой, совнархозовской, гармонии, я поиграл и поездил – и в Индию, и в Сербию, и на Алтай, и в Якутию, и по разным местам нашей России. Пока не подарил ее Мише Тарковскому на Енисее в Бахте, куда судьба меня музыкальная занесла. Там, в Бахте, с этой гармонью совнархозовской, дали мы не один концерт с Володией Скунцевым, другом моим и братом по Волгоградской еще музыкалке, где учились музыке. Володя по музыке и казачьему фольклору пошел так далеко, что стал руководителем ансамбля казачьей музыки «Казачий

кругь» - знаменитого на весь православный мир ансамбля. И, понятно, с Володей попели мы много, радуя жителей енисейских берегов казачьими песнями, пока двое суток на теплоходе добирались по Батюшке-Енисею до Бахты, до Миши Тарковского, замечательного русского писателя. Вот у Михаила, в школе бахтинской я и оставил гармошку – пусть учатся играть и радуют местных жителей.

Глава короткая. Промежуточная. Гармонь «вериловская». В Гималаях

Была ещё такая знаменитая на весь Союз Писателей гармонь, которую называли «вериловская». Оттого, что под нее так хорошо пелась песня «Верила, верила я...» С этой песней прошли делегации Союза Писателей не одну версту. Весело, уверенно, с радостью.

Эту гармонь мы подарили в Гималаи, в колледж искусств, индийским ребяташкам, предварительно дав им пару уроки русского фольклора. Они оказались настолько восприимчивыми, что через три дня вышли на сцену, и вместе с нами на концерте пели казачьи песни. По - русски.

Эта, «вериловская» гармошка, осталась в Гималаях. И балалайка моя – тоже. На них эти индийские, лет пятнадцати, ребяташки играли. Даже на сцене. И я жил три недели, не зная ни щей, ни пельменей на одних лишь их зернах и лепестках- травках. А потом мы ехали в удивительное место – в городок Манали, где сохранилось изображение слона – самое древнее, с доэпических времен. А по дороге мы посадили ученицу колледжа... И была она необыкновенной красоты. Той самой, что предназначена лишь одному- единственному. Назавтра она выходила замуж. А все её, открытое для любого глаза тело, было доступно, как античные скульптуры... Почти целиком, скрывая лишь то, что досталось самому любимому.

Гармонь – Володе Скунцеву. История отдельная

Этой главе можно столько посвятить времени! Ведь Володя не только тот, кто постигал рядом со мною крюки неведомой мне музыкальной и литературы... Он вдруг оказался тем самым человеком, который воспринял и воспроизвел самое лучшее, что хранил Дон, Хопер и все это великое русское пространство, что река-ми течет на юг. Огромный, великий юг России. Где среди голосов тульской хромки, ливенки, звучит крепкий голос елецкой рояльной гармошки. В один из приездов ко мне Володя обратил на нее внимание, взял в руки и сидел, подставив правое ухо, пробовал играть на ней, и у него спустя минут десять, уже все уверенней стало получаться. Одним словом, уезжал он от меня с этой Елецкой гармошкой.

В долгу он не остался и когда я был у него в гостях, то возвращался домой с его гармонью. Гармонь от Володи прилась мне «по голосу», но надо б её под-ремонтровать. Оттого я к ней еще не припелся, и нужен ей мастер «по голосам».

Серёжа подарил гармонь. Самую наилучшую. Любительскую. Авторскую

7 февраля 2015 года я возвращался из Волгограда. Вернее, переночевал у дядьки Паньки в Кузьмичах. Надо было попасть в Красное на юбилей батюшки, о. Сергия. Там, в Красном, я и заночевал у Сергея Евсеева. Полночи просидели с ним у него. Поговорили. От отца у него осталось несколько гармошек, в том числе необычная «Любительская»: черная, тяжелая, серьезная. Отец Сережи умер несколько лет назад. Я пропел несколько песен под нее и отметил вслух, что так легко петь под нее, только негромко, не напрягаясь. Мама его сидела тоже рядом, подпевала. А когда я под утро застегнул ремешки гармони, перед тем как ложиться спать, Сережа спокойно сказал:

– А знаешь, Василич. Забирай ее. Дарю.

У меня не было слов, что сказать. А Сережа продолжил.

– Только не забывай. У нее есть мастер. Глянь сзади грифа.

Я заглянул за правый, голосовой гриф. Там на алюминиевой пластине каллиграфическим почерком было выгравировано «По особому заказу».

– И не забывай: заказчик и хозяин этой гармошки – Щетинин Виктор Алексеевич.

– Сереж, да я...

– И когда будешь где-то выступать, ты говори, чья это гармошка. Тогда и хозяина, вроде как, будете поминать. Он родственник отцов, гармонист был хороший, после его смерти гармонь отцу досталась. Держи!

Вот так просто и неожиданно в руках у меня оказался настоящий клад – гармонь «Любительская», да еще и с историей и именами мастера и владельца.

Она такая громкая. Она такая чистая. Звонящая. Любимая. Только те, кто слушает мои песни под нее, говорят, что песня-то красиво звучит, но меня за гармошкой почти не слышать. Видно, что заказчик не под свой голос заказывал её, а для «улицы». Там так важно, чтоб гармонь слышна была в разных концах села: слышней, громче, ярче, чем у других гармонистов.

Эта гармошка и теперь ездит со мной и радуется встречам с новыми людьми и со старыми друзьями. Вместе со мной.

Никарагуа. Катюша в Национальном Театре

В мае 2015 года мы летели в Никарагуа на юбилейные дни Победы, которую, как ни странно, очень широко отмечали там, в этой центрально-американской стране. В три перелета, с двумя пересадками, спустя сутки, мы добрались до Манагуа, никарагуанской столицы. Кроме ежедневных двух-трех выступлений в залах, университетах, военных городках, открытых площадках, домах эмигрантов первой волны и радио-телестудиях столицы, мы проехали с концертами еще по трем городам этой страны. И везде, на любом выступлении, от нас,

кроме казачьих, русских народных песен, обязательно требовали спеть «Катюшу».

Никогда бы, в жизни своей, не поверил, чтобы мы, стараясь держать в своем репертуаре редкие песни, когда-то бы пели запетую насмерть, как нам казалось, «Катюшу». А, оказалось, народ-то никарагуанский, он почти наполовину «наш еще», дорогой нам народ: многие из их руководителей и занимающих высокие государственные посты, они учились в нашей советской стране Киеве, Харькове, Ленинграде. Кто и в Москве – все учились у нас, а потому и песни наши поют. Но «Катюшу» там любят особо. С этой песней бойцы-сандинисты шли в бой за освобождение родной страны от американской зависимости. Осознав это и приняв, мы решили петь ее чуть с налетом казачьей манеры исполнения, чтобы не отрываться от стилистики выступлений. Пели ее, как правило, в заключение своих концертов. Первое же исполнение «Катюши» в зале столичного университета так подействовало на зрителей, что один из них выбежал из зала в университетский двор и дал салют холостым, но очень убедительным выстрелом из гранотомёта! Это был один из сандинистов, которому мы подарили пилотку со звездой и он немедленно надел ее и больше не снимал. Он тоже говорил по-русски, как и те, кто учился в Москве. И потом ездил с нами на все концерты, включая последний, который накануне отлета мы дали на самой большой сцене Никарагуа, в Национальном Театре Манагуа. И пели её вместе с национальным ансамблем Никарагуа, артисты которого вышли на сцену в шапках со звёздами.

А сейчас.... Все больше я езжу туда, где так тихо, где только и поют над вольными птицами и высится крест по-над старым храмом.

Гармонь Юре Михайлову. В Мариинске. На притоке Иртыша – Кие

Летом 2017 года ехал я из Владивостока домой на машине. Даже не на одной, а на нескольких, до самого Красноярска. Михаил Тарковский снимал документальный фильм о староверах, и я ему нужен был, как попутчик-гармонист при главном герое. Потому ехал я то в его машине, Миши, то в основной машине в экспедиторской, с главным героем, Иванычем. Я был в образе «попутчика» его, главного героя. И потому оттенял его образ, его «жизненное начало». Этого начала в Иваныче и так было сверх меры, как узнал его за две недели кино-связей. Иваныч, старовер, придерживался строго своих староверческих обычаев, и оттого измучил всю киноэкспедицию запахом залежалой селедки. Постов было много и Иваныч их придерживался. Строго. И ел в пост селедку. Но и выпивать не забывал. Это был странный пост у Иваныча. Я-то его, поста, не придерживался и потому позволял себе где-то по дороге, в одной из кафешек, выпить кружку пива. Иванычу же, по мнению кинематографического сообщества, этого делать было ни в коем случае нельзя. Это только по мнению кино-сообщества, но не Иваныча. Он тоже перехватывал кружку пива, когда мы останавливались. Но селедку он ел отдельно и спокойно: или вечером, когда уходил свет или утром. В остальное время селедка ехала в машине.

До Красноярска из Владивостока мы ехали в рабочем режиме, зная, что основные планы сняли. На развилке Иркутск – Якутск, огромной, взгроможденной на сотни лет вперед, был снят эпизод «Подсаживается главный герой». И гармошка – та самая, красная, Афанасиевская, была тогда в кадре. И пела по мысли режиссера что-то тягучее, дремотнее, что обычно поется где-то дома, с полузакрытыми глазами. Когда мы, отметив половину пути долгой дороги до дома от Тихого океана, заехали в Мариинск, то и осели на сутки у Юры Михайлова, у дорогого моему сердцу Михалыча. Чудо-человек. Сами Эмиры с ним фотографировались и улыбались при этом вовсе не натужно: Юра всякого эмира мог развеселить помимо их неведомых эмировских языков!

Одним словом: гармошку – красную, любимую – любительскую, я оставил Юре. Ведь голос ее так хорошо совпадал с голосом его, Юры, и его жены Тани. Просто – как будто они всю жизнь ждали этой минуты, когда эта гармонь заедет в их песенные края.

А судьба этой, красной гармонии, была не проста. Ведь я всю жизнь, как и всякий, кто играл на гармонии, желал иметь в руках «Любительскую». Эту надпись желал видеть на бортах своей гармонии всякий, кто играл на гармошке. Но стоило это счастье денег невероятных. Неподъемных для простого жителя.

Случилось это счастье и со мной.

В очередной раз заехал за мной кум Володя. И сказал, что есть на примете гармонь «Любительская». И что она продается. Совпадения, что «есть» и что «продается» были невероятно. Но так и случилось. Гармонь мне продали. И почему-то, в навязку с простой гармошкой. Отчего-то они продавались «в паре», а не каждая сама о себе. Основная, «Любительская» гармонь оказалась еще ценнее, чем ее предполагал продавец. Это была гармонь знаменитого Афанасия Иваныча Матюхина! Украшавшие ее бока цветочки показались мне очень знакомыми, и однажды, просматривая какие-то старые виде-материалы наших встреч в деревне, я увидел знакомые гармошки в руках Афанасия Ивановича. Я вскочил и вынес гармонь и снова включил видеозапись. Да. Это была та самая, Матюхинская гармонь. Спустя треть века – из рук в руки – я подарил ее Юре Михайлову. Из Черноземья в Сибирь! И тем радуюсь, что голоса их – гармонии и Юры с Таней – совпали! И так к лицу их – Юры и Тани – эти цветочки с боков этой «Любительской» гармошки.

А ведь у Афанасия Иваныча «дельной», как говорит мой кум Володя, гармонии-то не было. Хоть гармонист-то он был изрядный и куча гармоней стояла у него на комод. Он и в школе пропустил класс свой, чтобы заработать для на гармонь денег, работая пастухом. И играл потом на всех матанях деревенских. И никто с ним равняться даже не смел – самородок.

И не было у него «дельной» гармонии. А вот самая «дельная» досталась мне, а потом и прижилась в Сибири, у хорошего человека. У Михалыча.

И Михалыч пел под эту гармонь свои песни. Те, что пел и Вася Вялков. Вот как дело закрутилось.

Крайняя гармонь

Гармонь маленькую, детскую, неделю назад – подарил своему внуку, только что родившемуся. В три кнопки по левой руке и по семь – по правой. И не важно, какую он будет предпочитать. Главное, что нашу, родную музыку. Играет.

*****

Начал писать эти записки 25 июля в Вологде. Что-то дальше будет?

В 2013 зимой ко мне приехал Миша Тарковский. С другом своим, замечательным человеком, Петровичем, который кроме бизнеса, даёт бесперспективным писателям дать возможность и писать и публиковаться. Дальше – лучше стороны. Миша и я.